

DOI: 10.22455/978-5-9208-0627-7-206-217

М.В. Скороходов

**«Усадебный топос»
в произведениях представителей
«крестьянской купницы»¹**

Сведения об авторе: Максим Владимирович Скороходов (Москва, Россия), кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Отдел новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. ORCID ID: 0000-0002-6390-5670. E-mail: msk2002@rambler.ru

Аннотация: «Усадебный топос» обычно становится объектом исследования в произведениях авторов, имевших усадьбы либо длительное время в них проживавших — у родственников или знакомых. Значительно меньшее внимание уделяется характеристике «усадебного топоса» в текстах тех авторов, которые в силу сословных ограничений не являлись владельцами усадеб и их частыми гостями. В литературе русского Серебряного века это, прежде всего, поэты «крестьянской купницы» Н.А. Клюев, С.А. Есенин, А.В. Ширяевец, С.А. Клычков и др. Для них важнейшим и часто наиболее ранним по времени освоения источником знаний о русской усадьбе является отечественная словесность. Представление об усадебных комплексах поэты получали и из личного опыта. Их элементы становятся символами, каждый из которых имеет сформировавшееся за длительный период семантическое наполнение. Революционные события 1917–1921 гг. приводят к быстрой гибели усадебного мира. Если Клюев в первые послереволюционные годы приветствует этот процесс, то для Ширяевца русская усадьба неотделима от крестьянской жизни. Для Есенина характерно перенесение элементов помещичьих усадебных комплексов в пространство крестьянского двора, в наследии Клычкова, как и некоторых других авторов, важную роль играет сад, связанный не только с помещичьей усадьбой, но и с крестьянской жизнью, и восходящий к саду эдемскому.

Ключевые слова: усадьба, «усадебный топос», традиция, русская литература, Н.А. Клюев, С.А. Есенин, А.В. Ширяевец, С.А. Клычков.

¹ Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00129) «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд».

*The “estate topos”
in the works of representatives
of the “peasant concord” group*

Information about the author: Maxim Vladimirovich Skorokhodov (Moscow, Russia), PhD in Philology, Senior Research Fellow, Department of Modern Russian Literature and Russian Literature Abroad, A.M. Gorky Institute of World literature of the Russian Academy of Sciences. ORCID ID: 0000-0002-6390-5670. E-mail: msk2002@rambler.ru

Abstract: “Estate topos” is usually considered in the works of authors who had estates or for a long time were living in estates of their relatives and friends. Significantly less attention is paid to the characterization of the “estate topos” in the texts of the authors, who, due to class restrictions, were not the owners of the estates and their frequent guests. In the literature of the Russian Silver Age, these are primarily the poets of the “peasant concord” group: N. Klyuev, S. Esenin, A. Shiryayevets, S. Klychkov and others. For them, the most important and often the earliest in time of development of the source of knowledge about the Russian estate was Russian literature. The poets got an idea of estate complexes from personal experience. Elements of these complexes become symbols, each of which has a semantic filling formed over a long period. Revolutionary events of 1917–1921 lead to the rapid death of the estate world. If Klyuev in the early post-revolutionary years welcomed this process, then for Shiryayevets the Russian estate is inseparable from peasant life, Esenin is characterized by the transfer of elements of landlord complexes to the space of the peasant estate, in the heritage of Klychkov, like some other authors, an important role is played by a garden connected not only with the landowner estate, but also with peasant life, with the Garden of Eden.

Key words: estate, “estate topos”, tradition, Russian literature, N.A. Klyuev, S.A. Esenin, A.V. Shiryayevets, S.A. Klychkov.

На протяжении нескольких столетий «усадебный топос» занимает значительное место в творчестве русских писателей. В большинстве своем это авторы, которые имели фамильные или личные усадьбы либо проживали в усадьбах своих родных и знакомых. Для них основным источником сведений об усадебном мире, его особенностях становились личные воспоминания, ощущения от длительного проживания в усадьбе, от встреч с окрестными помещиками. Внимание к «усадебной культуре» характерно как для русской классической литературы (Г.Р. Державин, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Е.А. Баратынский, А.И. Герцен, Ф.И. Тютчев, И.С. Тургенев, М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и мн. др.), так и для периода русского Серебряного века, с той лишь разницей, что все

более широкое распространение получает «дачный топос», который теснит, но отнюдь не уничтожает топос усадебный. Отметим, что и в период расцвета «усадебной культуры» в России многие дворянские усадьбы обжились только в летнее время, т. е., по представлениям людей рубежа XIX–XX вв., могли бы называться именно дачами. Начало активного дачного строительства в окрестностях Санкт-Петербурга относится, как справедливо отмечает О.А. Богданова, к середине XIX в., что было обусловлено введением в эксплуатацию железных дорог, а затем — и отменой крепостного права. «Десятки тысяч предпринимателей, чиновников, военных, интеллигентов-разночинцев, не имея собственных усадеб, обладали достаточным заработком для дачного отдыха близ крупных городов, с которыми постоянно были связаны деловой активностью»². Дачная культура и соответственно «дачный топос» русской литературы наиболее активно формируется с последних десятилетий XIX в. На дачах жили как представители «старшего» поколения — А.Н. Майков, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.Н. Плещеев, С.Я. Надсон, так и А.А. Блок, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, К.И. Чуковский и др. Мы учитываем, что «с середины XIX в. с дачей в русской литературе и культуре связан устойчивый комплекс значений, представлений и практик, существенно отличных как от города, так и от усадеб»³.

Подавляющее большинство исследований «усадебного» и «дачного топоса» посвящено произведениям писателей, имевших опыт проживания в усадьбе или на даче. Значительно меньшее внимание уделяется наследию тех авторов, которые не имели ни собственных усадеб, ни собственных или арендуемых дач и в силу сословных ограничений не могли являться частыми гостями в помещичьих усадьбах или у снимавших дачи знакомых. Если говорить о периоде русского Серебряного века, то это, прежде всего, поэты так называемого новокрестьянского направления, представители «крестьянской купницы»⁴. Интересно выявить хотя бы некоторые источники, из которых они получали знания об усадебном мире, об усадебной и дачной жизни. Необходимо проследить, какие наиболее важные приметы «усадебного топоса» нашли отражение в их творчестве. Такой

² Богданова О.А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 78. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 1).

³ Там же. С. 76.

⁴ Для поэтов середины — второй половины XX в., которых принято рассматривать как наиболее ярких продолжателей новокрестьянского направления, «усадебный топос» также актуален. См., например: *Акимова М.С.* Стихотворение Н.М. Рубцова «В старом парке» в контексте русской усадебной поэзии // Рубцовский сборник. Судьба и творчество Николая Рубцова в культурном контексте современной России. Вологда: Полиграф-Периодика, 2019. С. 164–175.

анализ позволяет расширить палитру встречающихся в литературных текстах вариантов «усадебного топоса», прибавив к числу заслуживающих внимания также и «новокрестьянский»⁵.

Один из наиболее известных и ярких представителей «крестьянской купницы» Н.А. Клюев, уроженец Олонецкой губернии, имел личные воспоминания о помещичьих усадьбах, поскольку много путешествовал, прежде всего по территории своей малой родины. Широко распространено мнение, что на Русском Севере практически не было классических усадеб, поэтому приведем опровергающие эти представления суждения современного исследователя истории расселения дворянства И.В. Савицкого: «<...> по данным образованного 2 марта 1861 г. Олонецкого по крестьянским делам присутствия, количество помещичьих хозяйств в этой губернии и их обеспеченность крепостной рабочей силой выглядела следующим образом: Вытегорский уезд (место, где Клюев родился и провел большую часть жизни. — М. С.) — 186 имений, 2077 ревизских душ <...>»⁶. Эти цифры (в среднем по 11–12 ревизских душ на одно имение) свидетельствуют о том, что многие жившие на севере России дворяне были мелкопоместными, часто они не только сами занимались сельскохозяйственным трудом, но и нанимались на работу к зажиточным крестьянам, чтобы прокормить семью. Однако были и богатые помещики: «В Олонецком уезде выделялись лодейнопольский помещик Д.В. Поленов (303 души), вытегорский Н.П. Апраксин (230 душ) и другие. Естественно, владельцы именно этих поместий являлись материально хорошо обеспеченными и имели больше условий для своего духовного развития, порой являясь светочами провинциальной культуры. Например, в имении своего отца создавал свои произведения известный русский художник В.Д. Поленов»⁷. Таким образом, Клюев с детских лет имел представление о помещичьей усадьбе.

Принято считать, что в творчестве С.А. Есенина, младшего современника Клюева и наиболее известного представителя «крестьянской купницы», «усадебная культура» сыграла важную роль, прежде всего благодаря знакомству с помещичьей усадьбой в его родном селе Константиново Рязанской губернии. В 1879 г., т. е. еще за 16 лет до рождения поэта, кон-

⁵ «Перспективно также изучение вариантов “усадебного топоса” в парадигме литературно-художественных течений рубежа XIX–XX вв.: реализма, натурализма, символизма, экспрессионизма, неореализма, акмеизма, футуризма, неосентиментализма и неоклассицизма» (Богданова О.А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология. С. 22).

⁶ Савицкий И.В. Дворянство Европейского Севера России в середине XIX — начале XX в. (По материалам Олонецкой, Вологодской и Архангельской губернии): Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1998. С. 100.

⁷ Там же. С. 55–56.

стантиновское имение стало купеческим: сначала оно было приобретено богородицкими купцами Куприяновыми, в 1897 г. — московским купцом И.П. Кулаковым, после его смерти в 1911 г. усадьба перешла по наследству его дочери — Л.И. Кашиной, ставшей одним из прототипов главной героини поэмы Есенина «Анна Снегина» (1925). Купцы считали свое имение дачей: «В конце 80-х годов XIX века на месте деревянного одноэтажного дома новые хозяева имения купцы братья Сергей, Николай и Александр Григорьевичи Куприяновы построили уютную дачную усадьбу с цокольным кирпичным этажом и деревянным мезонином. <...> здесь протекала характерная для начала XX века дачная жизнь состоятельной московской купеческой семьи»⁸. Но для Есенина купеческая дача стала одним из важнейших источников формирования представлений о традиционной русской усадьбе, об усадебной культуре⁹. Такое преломление реальной жизни в творческом сознании автора в значительной степени обусловлено определяющим влиянием на Есенина и его соратников по «крестьянской купнице» традиций отечественной словесности.

Помещичью усадьбу или отдельные входящие в нее постройки могли купить не только купцы, но и представители других сословий. Так, в романе С.А. Клычкова «Чертухинский балакирь» (1926) крестьянин «гусенский масленик Спиридон Емельяныч» приобретает у барина Махала Махалыча Бачурина мельницу. Мельница с окружающими ее пространствами, входившая до недавнего времени в усадебный комплекс, становится собственностью крестьянина, местом проживания его и его семьи. И сад около мельницы теперь уже тоже не помещичий, а крестьянский. Но вид из окна открывается типично усадебный: «В горнице было темно: окно заросло со двора кустами, яблони в небольшом саду на задворках подошли к самой стене, густо прислонились к ней ветками, на окне прозрачная занавеска висит, и в углу у иконы Пречистой Девы чуть-чуть лампадка теплится. Дом по лицу кажется маленький, а как войдешь в него — сколько комнат больших и комнатушек»¹⁰. Отметим, что сам Клычков, происходивший из крестьянской семьи, разбогатевшей на сапожном промысле, жил в деревне Дубровки под Талдомом в просторном двухэтажном кирпичном доме.

При несомненной ценности и актуальности личных впечатлений для большинства русских писателей недворянского происхождения важней-

⁸ Государственный музей-заповедник С.А. Есенина: Путеводитель. Рязань: Синий пеликан, 2018. С. 106–107.

⁹ Подробнее см.: *Скорыходов М.В.* «Низкий дом» и «Дом с мезонином» — две модели «русского мира» в творчестве Сергея Есенина // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. № 1. С. 194–211.

¹⁰ *Клычков С.А.* Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Эллис-Лак, 2000. С. 108–109.

шим и часто наиболее ранним по времени освоения источником знаний о русской усадьбе все же являются не личные воспоминания, а произведения русской классики. Мир литературы раскрывает во всей полноте и многообразии проявлений содержание и саму суть усадебного пространства и усадебной жизни. Все составляющие усадебного комплекса — помещичий дом, хозяйственные постройки, сад, парк с аллеями и беседками, система водоемов, а также окрестные пространства с церковью, полями, лугами, с крестьянскими жилыми и хозяйственными строениями и земельными наделами¹¹ — становятся своего рода символами, каждый из которых имеет свое сформировавшееся за десятилетия семантическое наполнение; «усадебный топос» включает эту символику, наполнен вариантами восприятия и раскрытия в художественных текстах усадебного пространства и «усадебной культуры».

Этот тезис подтверждается следующим примером. Клюев говорил Н.И. Архипову 17 ноября 1922 г., вспоминая поэта А.В. Кольцова, выходца из низших сословий:

Кольцов поверил в крепостную культуру и закрепил в своих песнях не подлинно народное, а то, что подсказала ему усадьба добрых господ, для которых не было народа, а были поселяне и мужички¹².

Данное высказывание свидетельствует о том, что Клюева интересует прежде всего восприятие усадьбы в литературе; «усадебный текст» оказывается для него более важным, чем реальная усадебная жизнь.

Для Клюева актуальна пушкинская литературная традиция, которая ярко раскрывается в одной из его «Новых песен», «Застольной» («Мои застольные стихи...», 1926): «Не говори, моя Сусанна, / Что мы старей на восемь лет <...> В твою серебряную свадьбу, / У обветшалых клавесин, / Тебе споет красавец сын / Не про Татьянину усадьбу...»¹³. Здесь «усадебный топос» ориентирован на «онегинский текст». Напомним, что Ленский в 6-й главе «Евгения Онегина» «то молчалив, то весел вновь; / Но тот, кто музою взлелеян, / Всегда таков: нахмуря бровь, / Садился он за клавикорды / И брал на них одни аккорды»¹⁴. Надо полагать, что именно с этими строками пушкинского романа в стихах связан клавесин, который

¹¹ О структуре усадебного комплекса см.: *Веденин Ю.А.* Очерки по географии искусства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 17.

¹² *Клюев Н.А.* Словесное древо. Проза. СПб.: Росток, 2003. С. 55.

¹³ *Клюев Н.А.* Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. СПб.: РХГИ, 1999. С. 532.

¹⁴ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 5. Л.: Наука, 1978. С. 109.

теперь значительно обветшал (как обветшал, по представлениям Клюева, и весь усадебный мир).

«Усадебный топос» исторически связан с крепостничеством, при котором крестьяне находились в полной зависимости от владевшего ими помещика. Наиболее ярко эта составляющая «усадебного топоса» проявилась в творчестве А.В. Кольцова, И.З. Сурикова и их последователей, в их числе и члены Суриковского литературно-музыкального кружка, в который в начале своего творческого пути входил Есенин. Для представителей «крестьянской купницы» эта составляющая потеряла былую актуальность, однако ее можно обнаружить в некоторых текстах, что также является отражением прежде всего литературной традиции. Показательным в этом отношении является наследие А.В. Ширяевца, причем интересно сопоставить его составляющие — эпистолярную и поэтическую. Ширяевец еще до обеих революций писал В.Ф. Ходасевичу о неразрывной связи помещичьего мира и мира крестьянского, отметив 7 января 1917 г.:

Пусть уж о прелестях современности пишет Брюсов, а я пойду Жар-Птицу, пойду к тургеневским усадьбам, несмотря на то, что в этих самых усадьбах предков моих били смертным боем. Ну как не очароваться такими картинками?..

И этого не будет! Придет предприимчивый человек и построит (уничтожив мельницу) какой-нибудь «Гранд-отель», а потом тут вырастет город с фабричными трубами...¹⁵

Приведенный фрагмент свидетельствует о том, что для Ширяевца важен усадебный комплекс, что русская усадьба неотделима для него от крестьянской жизни, он понимает, что ее гибель приведет и к уничтожению крестьянского мира, к утрате как помещичьей, так и крестьянской культуры, находящихся в неразрывном диалектическом единстве.

Несмотря на то что усадебная жизнь символизирует для Ширяевца социальное неравенство и угнетение, помещичья усадьба как феномен традиционной русской культуры противопоставляется им агрессивному городу. Однако в литературном творчестве Ширяевец выступает продолжателем традиций своих предшественников, вспоминая в первую очередь о негативных моментах жизни крестьян при крепостничестве — о «смертном бое». Именно эти моменты обнаруживаем в поэме с символичным для их раскрытия заглавием «Мужикослов» (1921, 1923), которая посвящена «Памяти матери моей Марии Ермоловны»: «Салтычиха, / Салтычиха, / Мне

¹⁵ *Ширяевец А.В.* Из переписки 1912–1917 гг. / Публ. Ю.Б. Орлицкого, Б.С. Соколова, С.И. Субботина // *De Visu*. 1992. № 3 (4). С. 30–31.

бросает на шею петлю!..»¹⁶ (главка VII); «Глубже Волги тоска холопья! / Рассчитаюсь, отцы, за вас!»¹⁷ (главка VIII); «— Мамыньки! Баушки! / Арины Родионовны! / Зацапанные барами — / Блуднями / Для соромной забавушки! / Рано вас сгорбили / Буднями / Черными! <...> / Не вы ли / Поили / Песнями, сказами ярыми / Пушкиных, Корсаковых, Гоголей!»¹⁸ (главка X). Здесь вслед за Кольцовым и Суриковым звучит противопоставление двух миров — крестьянского и помещичьего. А.А. Блок в статье «Интеллигенция и революция» (1918), стремясь объяснить причины гибели усадебного мира, в том числе и уничтожение своей собственной усадьбы, также обратится к истории, к непростым взаимоотношениям крестьян и помещиков:

Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? — Потому, что там насиловали и пороли девок, не у того барина, так у соседа.

Почему валят столетние парки? — Потому, что сто лет под их развесистыми липами и кленами господа показывали свою власть: тыкали в нос нищему — мощной, а дураку — образованностью¹⁹.

Гибель усадебного мира фиксируется в послереволюционном творчестве Клюева. Показательно в этом отношении стихотворение «Братья, сегодня наша малиновая свадьба...» (1918), где говорится о разрушении традиционной русской жизни, которая была дорога Клюеву. Однако крестьянский мир пока не испытал негативных воздействий: «Костоедой обглоданы церковь и усадьба, / Но ядрено и здраво мужицкое поле!»²⁰. Нельзя не обратить внимания на последнее четверостишие этого произведения с обращением к «усадебному топосу» И.С. Тургенева: «Пусть на полке Тургенев грустит об усадьбе, / Исходя потихоньку бумажной слезой»²¹. Писатель-классик вместе с миром русской усадьбы, миром книжного знания и традиций противостоит «яростной свадьбе». В белом автографе (хранится в Отделе рукописей РНБ) стихотворение имеет знаковое заглавие — «25 октября 1918 г.»²², т. е. соотнесено с первой годовщиной событий октября 1917 г.

¹⁶ *Щиряевец А.В.* Песни волжского соловья. Избранное. Тольятти: Фонд «Духовное наследие», 2007. С. 250.

¹⁷ Там же. С. 251.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Блок А.А.* Россия и интеллигенция (1907–1918). М.: Революционный социализм. 1918. С. 37.

²⁰ *Клюев Н.А.* Сердце Единорога. С. 399.

²¹ Там же. С. 400.

²² Там же. С. 907.

В клюевском стихотворении «Старый дом зловеще гулок...» (<1910>) представлены важные элементы усадебного комплекса: тропинки и старый помещичий дом, сад, расцветающий «под луны волшебным взглядом»²³. При незначительном числе упоминаний в наследии Клюева усадебного дома обращает на себя внимание актуальность для его поэтической системы именно сада — одного из ключевых элементов усадебного комплекса. Стихотворению «Вы обещали нам сады...» (<1911>) Клюев предпослал эпиграф — первую строку стихотворения К.Д. Бальмонта «Оттуда» (1899): «Я обещаю вам сады...». Клюев разрушает образ страны мечты, страны грез из текста Бальмонта: «Вы обещали нам сады / В краю улыбочиво-далеком, <...> // На зов пошли: Чума, Увечье, / Убийство, Голод и Разврат, / С лица — вампиры, по наречью — / В глухом ущелье водопад. // <...> И облетел ваш сад узорный, / Ручьи отравой потекли»²⁴. Сад и другой важный элемент усадебного пространства, ручей, вместо радости приносят печаль и горечь. Однако сады, описываемые Клюевым в стихотворениях «Позабыл, что в руках...» (<1910>), «Вы деньки мои — голуби белые...» (между 1914 и 1916), в произведениях цикла «Из “Красной газеты”» (<1918>), соотносятся и с эдемским садом.

Как точно отметила А.Г. Разумовская, «С. Есенин в своем раннем творчестве, как и Клюев, апеллировал к райскому бытию как идеалу преображения мира и также, подчеркивая космический смысл происходящих перемен в дни революций, пел славу новорожденному миру, основанному на братской любви»²⁵. Есенинский сад совмещает черты крестьянских дворов с небольшими садами, среди которых Есенин провел детство, известную ему константиновскую дачу на территории помещичьей усадьбы с образами усадебных садов и парков, представление о которых он получил из русской классической литературы. Лирический герой стихотворения «Дорогая, сядем рядом...» (1923) вспоминает о родине: «Там теперь такая ж осень... / Клен и липы, в окна комнат / Ветки лапами забросив, / Ищут тех, которых помнят»²⁶. Сходные картины возникают в созданной в селе Константиново маленькой поэме «Возвращение на родину» (1924): «Отцовский дом / Не мог я распознать; / Приметный клен уж под окном не машет»²⁷. В написанном 20 сентября 1925 г. стихотворении «Снежная замаять дробится и колется...» — дальнейшее развитие мотива сада: «А за окном под метельные

²³ Там же. С. 135.

²⁴ Там же. С. 145.

²⁵ Разумовская А.Г. Сад в русской поэзии XX века: феномен культурной памяти: Автореферат дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010. С. 22.

²⁶ Есенин С.А. Полн. собр. соч.: В 7 т. (9 кн.). Т. 1. М.: Наука: Голос, 1995. С. 194.

²⁷ Есенин С.А. Полн. собр. соч.: В 7 т. (9 кн.). Т. 2. М.: Наука: Голос, 1997. С. 89.

всхлипы, / В диком и шумном метельном чаду, / Кажется мне — осыпаются липы, / Белые липы в нашем саду»²⁸. Во всех перечисленных текстах сочетаются приметы крестьянского двора и помещицкой усадьбы.

В поэзии Клычкова, для которой русская литературная традиция тоже значима, более явственны, чем у Есенина, черты эдемского сада. Для Клычкова уже в начале его творческого пути важен персонифицированный сад — именно «мой сад», как в стихотворении «Сад» (1912–1913): «Ручеек бежит по лугу, / А мой сад на берегу»²⁹. При этом при описании сада столь же важную роль, как и у Есенина, играют личные воспоминания, например в стихотворении «На чужбине далёко от родины...» (<1914, 1918>): «На чужбине далёко от родины / Вспоминаю я сад свой и дом, / Там сейчас расцветает смородина / И под окнами птичий содом... // Там над садом луна величавая <...> Она смотрит на липы и ясени / Из-за облачно-ясных завес, / На сарай, где я нежился на сене, / На дорогу, бегущую в лес...»³⁰. Содом здесь хоть и птичий, но библейские аллюзии легко прочитываются. Сад, связанный с иным миром, с миром по ту сторону, возникает в стихотворении «Какие хитроумные узоры...» (<1929>): «Что, если смерть, и нет ли там за гробом / Похожего на этот сад?!»³¹. В «Песенке о счастье» (<1913, 1922>) сад теряет земные очертания: «Я играю в гусли, сад мой стерегу, / Ах, мой сад не в поле, сад мой не в лугу, / Кто на свете счастлив? счастлив, верно, я, / В тайный сад выходит горница моя!»³². В стихотворении «Предутрие» (<1910>) предстают «голубые сады», в которых «Пасутся в долине олени, / В росе серебрятся следы»³³. Отсчитывающий время петух возникает в саду, описанном в произведении «Сегодня вечером над горкой...» (<1910>): «И старый сад скороговоркой / Будили в сумраке ручьи. // Церковный пруд в снегу тяжелом / Всю ночь ворочался и пух, / А за соседним частоколом / Кричал не вовремя петух»³⁴. Для стихотворения «Сегодня у нас на деревне...» (<1914, 1918>) христианские традиции еще более важны — здесь дважды повторяются строки: «И тихо заря догорает / В далеком, небесном саду»³⁵. Напомним перекликающийся с процитированными строками фрагмент маленькой поэмы Есенина «Иорданская голубица» (1918): «Гусей крикливых стая / Несется к облакам. //

²⁸ Есенин С.А. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 280.

²⁹ Клычков С.А. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Эллис-Лак, 2000. С. 60.

³⁰ Там же. С. 119–120.

³¹ Там же. С. 184.

³² Там же. С. 66.

³³ Там же. С. 65.

³⁴ Там же. С. 71.

³⁵ Там же. С. 114.

То душ преображенных / Несчислимая рать, / С озер поднявшись сонных, / Летит в небесный сад»³⁶.

Кратко упомянем о еще одном традиционном для «усадебного топоса» элементе — калитке, которая служит границей усадебного пространства, именно здесь происходят важные, а порой и судьбоносные события. Достаточно вспомнить есенинскую «Анну Снегину», в художественном мире которой калитка становится преградой на пути лирического героя к счастью: «Когда-то у той вон калитки / Мне было шестнадцать лет, / И девушка в белой накидке / Сказала мне ласково: “Нет!”»³⁷. Эти строки играют особую роль в композиции произведения: они повторяются в первой и в заключительной, пятой, главах поэмы. В есенинском стихотворении «Закружилась листва золотая...» (1918) калитка выступает в роли границы сада: «За калиткою смолкшего сада / Прозвенит и замрет бубенец»³⁸. В клычковском стихотворении «Юность — питье солодовое...» (<1923, 1927>) калитка служит преградой для выхода в поле: «Поле, калитка садовая... / Месяц да белый туман...»; «Скрипнет вот вечер калиткою, / Шукнет вот ночь у ворот, — / Выбежишь: облак каликою / По полю, сгорбась, идет»³⁹.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в наследии представителей «крестьянской купницы» «усадебный топос», хотя и не относится к числу центральных, имеет серьезное значение. Для рассматриваемых авторов определяющую роль в вариантах «усадебного топоса» играют традиции русской классики, прежде всего Пушкина и Тургенева, а также выходцев из низших сословий Кольцова и Сурикова, вслед за которыми, хотя и со значительно меньшей, чем у них, интенсивностью, подчеркиваются сословная ограниченность усадебного пространства, противостояние помещиков и крестьян. В некоторых случаях невозможно провести границу между миром дворянской усадьбы начала XX в. и усадьбами купцов, а также разбогатевших крестьян, скупивших часть господской земли с расположенными на ней строениями. Значимыми элементами «усадебного топоса» становятся дом, сад, калитка, характерные пейзажи, в частности вид из окна.

³⁶ Есенин С.А. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 57.

³⁷ Есенин С.А. Полн. собр. соч.: В 7 т. (9 кн.). Т. 3. М.: Наука: Голос, 1998. С. 164, 187.

³⁸ Есенин С.А. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 147.

³⁹ Клычков С.А. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. С. 140–141.

Список литературы

1. *Акимова М.С.* Стихотворение Н.М. Рубцова «В старом парке» в контексте русской усадебной поэзии // Рубцовский сборник. Судьба и творчество Николая Рубцова в культурном контексте современной России. Вологда: Полиграф-Периодика, 2019. С. 164–175.
2. *Блок А.А.* Россия и интеллигенция (1907–1918). М.: Революционный социализм. 1918. 40 с.
3. *Богданова О.А.* Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 288 с. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 1).
4. *Веденин Ю.А.* Очерки по географии искусства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 224 с.
5. Государственный музей-заповедник С.А. Есенина: Путеводитель. Рязань: Синий пеликан, 2018. 216 с.
6. *Есенин С.А.* Полн. собр. соч.: В 7 т. (9 кн.). Т. 1. М.: Наука: Голос, 1995. 672 с.
7. *Есенин С.А.* Полн. собр. соч.: В 7 т. (9 кн.). Т. 2. М.: Наука: Голос, 1997. 464 с.
8. *Есенин С.А.* Полн. собр. соч.: В 7 т. (9 кн.). Т. 3. М.: Наука: Голос, 1998. 720 с.
9. *Клычков С.А.* Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Эллис-Лак, 2000. 544 с.
10. *Клычков С.А.* Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Эллис-Лак, 2000. 656 с.
11. *Клюев Н.А.* Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. СПб.: РХГИ, 1999. 1072 с.
12. *Клюев Н.А.* Словесное древо. Проза. СПб.: Росток, 2003. 684 с.
13. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 5. Л.: Наука, 1978. 527 с.
14. *Разумовская А.Г.* Сад в русской поэзии XX века: феномен культурной памяти: Автореферат дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010. 31 с.
15. *Савицкий И.В.* Дворянство Европейского Севера России в середине XIX — начале XX в. (По материалам Олонецкой, Вологодской и Архангельской губернии): Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1998. 229 с.
16. *Скорородов М.В.* «Низкий дом» и «дом с мезонином» — две модели «русского мира» в творчестве Сергея Есенина // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. № 1. С. 194–211.
17. *Ширяевец А.В.* Из переписки 1912–1917 гг. / Публ. Ю.Б. Орлицкого, Б.С. Соколова, С.И. Субботина // *De Visu*. 1992. № 3 (4). С. 11–42.
18. *Ширяевец А.В.* Песни волжского соловья. Избранное. Тольятти: Фонд «Духовное наследие», 2007. 275 с. (Библиотека «Духовное наследие»; Серия «Творцы»).